

Филип Янсу

ПОЧЕМУ?

Вопрос, который
остается всегда

Перевод Юрия Шпака

Киев 2015

УДК 27-42
ББК 86.37-43
Я 54

Перекладено за виданням:

Philip Yancey
**The Question
That Never Goes Away**

Де Бог, коли я страждаю?

Це питання лунає мовчазним рефреном кожного разу, коли стається біда — не має значення, з однією людиною, чи цілою нацією. Варто трапитися природному катаклізму, епідемії, війні чи черговому теракту, - й одразу сотні людей волають до небес: «Доки, Господи?!» Якщо ми не можемо довірити Богові безпеку наших дітей та захист близьких від болючої смерті, то в чому взагалі можна Йому довіряти?

Майже 25 років тому Філіп Янсі написав гучну книгу, де спробував викласти власний погляд на цю вічну проблему. Сьогодні події, що відбуваються на трьох континентах та лихоманяють людство, примушують його знову взятися за перо.

З притаманною авторів прямоотою й щирістю книга звертається до тих, хто несе тяжкий тягар страждань, чия віра похитнулася від перенесеного болю, хто зазнав зневіру до Бога і людей, але все одно намагається знайти сенс у тому, що відбувається навколо, й розібратися у питанні, яке лишається завжди.

Видання російською мовою.

Филип Янси

Я 54 Почему? Вопрос, который остается всегда/ Филип Янси;
пер. с англ. Юрий Шпак — К.: Ефетов А.В., 2015. — 156 с.
ISBN 978-966-8795-23-7

УДК 27-42
ББК 86.37-43

Originally published in the U.S.A. under the title:

The Question That Never Goes Away
Copyright © 2013 by Philip Yancey

Published in agreement with the author, c/o Creative Trust Literary Group,
Brentwood, TN, U.S.A
All rights reserved.

ISBN 978-966-8795-23-7 (рос.)
ISBN 978- 0-9896105-0-6 (англ.)

© Видавнична група «Нард»,
видання рос. мовою, 2015
© Philip Yancey, 2013

*Затрепетало сердце, вскрикнуло: «О, Бог!»
И так познал я — Ты в скорби моей.*

Джордж Герберт, «Бедствия (III)»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1: Где же Бог?	7
<i>Вопрос возвращается</i>	10
<i>Омраченное Рождество</i>	13
Часть 2: «Я хочу знать: почему!»	17
<i>Сначала толчки, затем волна</i>	20
<i>Лицом к лицу с трагедией</i>	23
<i>Почему?</i>	28
<i>Наша единственная надежда</i>	35
<i>Смещение акцента</i>	38
<i>«Ищи помощников»</i>	43
<i>Не навреди</i>	49
Часть 3: Когда Бог проспал	59
<i>«Откуда такая жестокость?»</i>	63
<i>Слепой и беззубый мир</i>	68
<i>Крики о помощи</i>	72
<i>По соседству</i>	76
<i>Луч надежды</i>	82
<i>Боль во благо</i>	86
<i>Пространство для роста</i>	91

Часть 4: Исцеляя зло	97
<i>Город скорби</i>	<i>100</i>
<i>В пожарной части.</i>	<i>105</i>
<i>Вера испытанная и укрепившаяся. . .</i>	<i>108</i>
<i>Оборванная жизнь.</i>	<i>113</i>
<i>Две универсалии</i>	<i>117</i>
<i>Трудные вопросы</i>	<i>122</i>
<i>Смерть, не тщеславься.</i>	<i>126</i>

Часть 5: Три величайших испытания . 133

<i>Благодарности</i>	<i>141</i>
<i>Первоисточники</i>	<i>143</i>

ЧАСТЬ 1

ГДЕ ЖЕ БОГ?

Мой отец подхватил полиомиелит незадолго до моего первого дня рождения. Он лежал неподвижно, парализованный ниже шеи, в шумной железной машине, которая вентилировала его легкие, помогая дышать. Мама приводила меня и моего трехлетнего брата в больницу и поднимала нас к окну изолятора, чтобы ее муж, взглянув в зеркало, увидел сыновей. Он не мог ни взять нас на руки, ни даже прикоснуться к нам.

Отец готовился отправиться миссионером в Африку, и, когда он заболел, несколько тысяч человек в молитвенной цепочке решили молиться о его исцелении. Они не могли поверить, что Бог «заберет» такого молодого и полного сил человека, которого впереди ожидало яркое будущее в служении. Более того, ближайшие друзья моего отца были настолько уверены, что он поправится, что сделали шаг веры и с его разрешения вытащили больного из железного «легкого», в котором тот лежал. Через две недели он умер. Я вырос без отца под мрачной тенью неотвеченной молитвы.

Позже, будучи молодым журналистом примерно того же возраста, что и мой отец в момент его смерти, я начал работать над серией статей рубрики «Драма в реальной жизни» для журнала «Ридерз

Дайджест». Они рассказывали о людях, переживших трагедию, и я снова и снова слышал от опрошенных, что «христиане делали все только хуже», давая

Для многих
людей страдания
сродни фоновому
шуму в их жизни

противоречивые и сбивающие с толку советы. *«Бог наказывает Вас».* «Нет! Это сатана!» *«Ни то, ни другое. Бог допустил ваши страдания не в качестве наказания, а из любви, ибо вы были особо избраны, чтобы продемонстрировать веру».* «Нет! Бог желает вашего исцеления!»

Я понятия не имел, что сказать этим людям, и, по правде говоря, сам нуждался в ответах. Сталкиваясь с каким-нибудь мучительным вопросом, я обычно начинаю писать о нем, поскольку сам этот процесс предоставляет мне возможность пообщаться с экспертами, посидеть в библиотеках и обратиться к Библии. В результате, в возрасте 27 лет я написал свою первую настоящую книгу: «Где Бог, когда я страдаю?»

Хотя я писал на самые разные темы, но этот вопрос, омрачавший мне детство и доминировавший в ранний период моей писательской карьеры, всегда оставался. Я по-прежнему получаю неослабевающий поток откликов от людей, раздавленных болью и страданиями. Недавно я извлек из архива все письма, пришедшие от тех, кто пытался найти ответ на этот вопрос — всего их более тысячи. Еще раз перечитав их, я напомнил себе о том, что для многих людей страдания сродни фоновому шуму в их жизни. Кто-то живет с болезнями, хронической физической

болью или проклятием одиночества в клинической депрессии. Другие же испытывают постоянные душевные муки из-за беспокойства о близких: о муже, который сражается с зависимостью; о детях, ставших на путь саморазрушения; о ком-то из родителей с болезнью Альцгеймера. В некоторых уголках земли простые люди ежедневно сталкиваются с серьезными страданиями из-за нищеты и несправедливости.

Один из наиболее насущных вопросов в своем письме ко мне сформулировала шестнадцатилетняя девушка, изучавшая материалы уголовного судопроизводства:

Разбирая дела об убийствах, я все больше узнавала о жертвах, их семьях и невыносимых муках, которые они перенесли. Я не говорю о мучениках или миссионерах, добровольно отдавших жизнь за свою веру, а о невинных жертвах безумных преступлений. Я верю в небесного Отца, Который любит Своих детей и желает всем нам добра. Хотя я не думаю, что все эти ужасные страдания людям причинил Бог, мою веру испытывает на прочность вопрос: «Почему Он не вмешался, хотя мог помочь?» Отсюда вытекает мой следующий вопрос... Если Бог не защитил тех людей и невинных детей, которых подвергали мучениям (хотя некоторые из них даже зывали к Богу о спасении), то где мне взять веру в то, что Он защитит *меня*? Я хочу верить, но чувствую себя, как тот человек из Библии, который сказал Иисусу: «Верую... Помоги моему неверию».

Вопрос возвращается

У меня есть кое-какой собственный опыт страданий: переломы костей, незначительные операции, автокатастрофа, едва не стоившая мне жизни... Но куда больше я узнал, слушая истории других людей. Когда моя жена работала капелланом в хосписе, за ужином она часто пересказывала мне разговоры с семьями, которые должны были смириться со смертью. Наша еда становилась приправленной слезами. Кроме того, как журналист, я слышал душераздирающие истории от многих других: от родителей, скорбящих о самоубийстве своего сына-гомосексуалиста; от пастора, переносящего усиливающийся натиск мучительного и смертельного недуга; от китайских христиан, переживших зверства Культурной революции.

Поскольку я снова и снова возвращаюсь к вопросу страданий, меня иногда приглашают выступать на тему, поднятую в моей первой книге: «Где Бог, когда я страдаю?» Никогда не забуду тот день, когда я обошел импровизированные мемориалы, возникшие, словно грибы после дождя, в кампусе Политехнического университета Виргинии, а после стоял перед тысячей студентов, и их такие юные лица были омрачены скорбью о гибели тридцати трех однокашников и преподавателей. Или до ужаса похожую сцену в следующем году, когда я планировал говорить на совершенно другую тему в индийском городе Мумбаи, но из-за террористической атаки на гостиницу «Тадж Махал» и другие здания был вынужден сменить место проведения и тематику мероприятия, вновь вернувшись к вечно актуальному вопросу.

В 2012 году я говорил на эту тему трижды, обращаясь к аудитории в самых удручающих обстоятельствах: первый раз — после катастрофического стихийного бедствия; второй — в городе, разрушенном войной; а в третий это было ближе всего к дому, и, быть может, потому оказалось наиболее тягостным событием.

В марте я выступал перед общинами в японском регионе Тохоку в первую годовщину цунами, которое ударило в берег со скоростью реактивного авиалайнера, ломая, как палочки для еды, железнодорожные полотна и разметая по разоренной местности корабли, автобусы, дома и даже самолеты. Получив в наследство от катастрофы 19 тысяч погибших и целые деревни, смытые в море, страна деловых материалистов, у которых обычно не хватает времени на богословские вопросы, теперь не могла думать ни о чем другом.

В октябре я говорил на эту же тему в Сараево — городе, который четыре года провел без отопления, газа и электричества, со скудными поставками продуктов и воды, выдержав самую долгую осаду в истории современных войн. Десять тысяч жителей погибли от пуль снайперов и ежедневных обстрелов артиллерии, когда снаряды и мины сыпались с неба, словно град. Один из переживших осаду признался мне: «Самое худшее — это то, что ты призываешь к злу. Знай мы заранее, сколько это все продлится, то, наверное, покончили бы с собой. Но со временем тебе становится все равно. Ты просто пытаешься выжить».

Когда 2012 год приближался к завершению, мне выпала задача, наверное, самая сложная из всех, но не с точки зрения количества страданий — разве их можно измерять количеством? — а по накалу полней-

шего ужаса и глубочайшей скорби. В первые выходные после Рождества я обратился к общине Ньютауна, штат Коннектикут, — города, содрогнувшегося от бессмысленного убийства двадцати первоклассников и шести учителей и других сотрудников школы.

Царившее там настроение хорошо передал водитель санитарной машины. «Все мы в пожарной охране и в бригадах скорой помощи — волонтеры, — сказал он. — Мне порой приходилось сталкиваться с ужасными вещами, но у нас нет специальной подготовки к чему-то вроде *этого...* Ни у кого нет. Моя жена преподает в начальной школе ‘Сэнди-Хук’. Она знала каждого из этих двадцати детей по имени, как и убитых сотрудников. Она шла в трех шагах позади директора школы, Доны Хокспранг, когда Дона крикнула: ‘Назад! Там парень с оружием!’ Пересидев бойню в укрытии, моей жене пришлось пройти мимо тел своих коллег в коридоре. И мимо детей...».

На мгновение сделав паузу, чтобы совладать с голосом, он продолжил: «Все в той или иной степени испытывают скорбь, и в самом худшем случае это — скорбь о потере ребенка. Работая в службе экстренного реагирования, я вижу, как она влияет на людей — особенно после самоубийств. Вы живете с этой скорбью, как в какой-то оболочке, и только со временем начинаете понемногу возвращаться во внешний мир. Вы ходите в магазин, возвращаетесь на работу... Постепенно внешний мир все больше овладевает вашим вниманием, и скорбь притупляется. Наш Ньютаун — небольшая община. Куда бы мы ни пошли, все напоминает о случившемся. Мы направляемся в магазин — и видим мемориалы в память о жертвах. Мы идем по улице — и видим знаки на веранде дома у тех, кто потерял ребенка. Мы не можем

сбежать от этого. Город словно накрыли стеклянным колпаком, из-под которого откачали весь кислород. Скорбь не дает нам дышать».

Приглашение приехать в Ньютаун я получил от моего давнего друга-англичанина по имени Клайв Калвер. В 1970-е годы, когда я был редактором журнала «Студенческая жизнь», выпускаемого организацией «Молодежь для Христа», он возглавлял британский филиал этой организации. Со временем наши пути разошлись. Клайв занялся международной благотворительной деятельностью, а я стал писателем. Сегодня Клайв — пастор преуспевающей церкви, насчитывающей 3500 человек, служения которой проходят неподалеку от Ньютауна. «Такое ощущение, что вся моя жизнь была лишь подготовкой к этой роли, — сказал он, позвонив мне за неделю до Рождества. — В ‘World Relief’ я возглавлял группу реагирования на случай стихийных бедствий. В ней были задействованы около 20 тысяч человек по всему миру. Но теперь это случилось у меня по соседству, и напрямую пострадали члены моей общины. Все они задают один и тот же вопрос, о котором ты много лет назад написал книгу: ‘Где Бог, когда я страдаю?’ Ты мог бы приехать и выступить у нас в церкви?»

Омраченное Рождество

Для меня Рождество 2012 года было не похоже ни на одно другое. Мой отец умер 15 декабря, и это всегда заглушало дух Рождества в нашей семье, а теперь стрельба на 14 декабря омрачила праздник для целой нации. Это было словно удар под дых. Что происходит с нами и с нашей страной? Ни у кого не

укладывалось в голове, что молодой человек из приличной семьи может вот так ворваться в школу и методично расстрелять два десятка испуганных первоклассников.

Я следил за выпусками новостей и изучал поминутную хронологию случившегося в тот день в начальной школе. Я прочитал опубликованные в Интернете биографии всех убитых детей, благодаря чему теперь знал каждого из них по имени и в лицо: потрясающие рыжие волосы Кэтрин; щербатая улыбка Даниэля; сияющий взгляд голубоглазой Эмили; шаловливая усмешка Джесса... Я читал о домашних любимцах этих детей, об их увлечениях и розыгрышах сверстников, об их пищевых аллергиях и любимых спортсменах. Хотя эти жизни и были прерваны на отметке в каких-то шесть-семь лет, они успели оставить на земле свой след.

Услышанное мной в те выходные в Ньютауне — истории, вопросы, возгласы смятения и протеста — оживило воспоминания о других реакциях на страдания, с которыми я сталкивался на протяжении многих лет. Почему случаются несчастья? Почему Бог позволяет злу следовать своим ужасным курсом? Что доброго может вытекать из подобных событий? Я не переставал бороться с этими вопросами с момента написания моей первой книги и вынужден был вновь столкнуться с ними, обращаясь к церковной общине Ньютауна.

Когда я отправился в Коннектикут, издатель книги «Где Бог, когда я страдаю?» временно сделал ее доступной для бесплатного скачивания. Я опубликовал ссылку в Facebook, а издательство выпустило пресс-релиз, но не стало рекламировать эту акцию. Мы ожидали, что откликнутся несколько сотен чело-

век, может быть — тысяча, но, как мы позже узнали, книгу в течение нескольких дней скачали более ста тысяч человек. Очевидно, что эта тема беспокоит многих, и потому я решил отложить в сторону другие писательские проекты и переосмыслить вопрос, который впервые исследовал более тридцати лет назад.

Работа над этой книгой совпала с затяжной зимой в горах Колорадо. Даже в апреле 2013 года я мог наблюдать через окно за потрясающе красивой картиной: вечнозелеными деревьями под слоем свежесвыпавшего снега, искрящегося золотом в лучах утреннего солнца на фоне неба цвета тропического океана. И, отрывая взгляд от этого великолепия, я должен был собирать воедино исполненные болью лица, увиденные в Японии, Сараево и Ньютауне.

Неожиданно их круг расширился. 15 апреля двое иммигрантов испортили день радости и триумфа в Бостоне, заложив бомбы у финишной черты Бостонского марафона. Забег, начавшийся с печальных двадцати шести секунд

молчания в память о жертвах Ньютауна, завершился невыразимой трагедией. Пятый по размерам город страны оказался парализованным из-за розыска полицией террористов, причинивших три смерти и сотни ранений. Через два дня в городе Уэст, штат Техас,

взорвался завод по производству удобрений, убив десятиерых пожарных и еще пять человек, но на фоне масштабной облавы, устроенной в Бостоне, это собы-

Страдания, будь они
катастрофическими
или обыденными,
всегда скрываются
где-то поблизости

тие осталось почти незамеченным. Позже на той же неделе китайскую провинцию Сычуань сотрясло землетрясение, унесшее жизни почти двухсот и ранившее более восьми тысяч человек. Совершенно очевидно, что вопросы о страданиях, поднимавшиеся в 2012 году, все так же оставались и в 2013.

На самом деле, я мог бы затронуть этот вопрос в любом году, ибо мы живем на хрупкой планете, терзаемой болезнями, наводнениями и засухами, землетрясениями, пожарами, войнами, насилием и терроризмом. Страдания, будь они катастрофическими или обыденными, всегда скрываются где-то поблизости. Я ежедневно получаю рассылку с сайта «Caring Bridge» с рассказами о том, что кто-то оказался в больнице, подключенным к аппарату жизнеобеспечения, или восстанавливается после инсульта, или борется с онкологией. Куда же в таком мире смотрит Бог?

Я полностью отдаю себе отчет, что никакая книга не сможет «решить» проблему боли, и все же чувствую побуждение передать другим то, что я узнал в краю страданий. Если у христиан есть радостная весть, послание надежды и утешения, которым они могли бы поделиться с израненным миром, то она должна начинаться именно с этого.

